

Александр Герасимов

Александр Владимирович Герасимов – прозаик, драматург. Родился в 1955 году в таёжном Приамурье, на Дальнем Востоке работал учителем, редактором газет и телевидения, генеральным директором государственной телерадиовещательной компании «Амур», трижды избирали председателем Амурской областной организации Союза журналистов России. С 2011 года живёт в Калининграде. Рассказы публиковались в России, Австралии, Германии, Канаде, Чехии. Член редакционных коллегий литературных журналов «Берега» (Калининград, Россия) и EDITA (Вестфалия, ФРГ). Награждён орденом Преподобного Сергия Радонежского Русской православной церкви, заслуженный работник культуры РФ.

ТАЁЖНЫЕ ИСТОРИИ

МЫШОНОК

Через заросли красно-бурых кустарников, тоненьких блестящих осинок-берёзок мы вошли в зимний лес. То была опушка, воротничок леса. Но здесь деревья степенные, высокоствольные. Остановитесь, прислушайтесь к своему дыханию. Воздух свежий, студёный. Чистым снегом пахнет. Хорошо!

Славный снег выпал, мягкий, пушистый. И целёхонькие снежинки россыпями бриллиантов светятся, сверкают, искрятся; несмелый ветерок, шёпотом гуляющий среди деревьев, их легче пуха подхватывает и бережно опускает. А бывают снежинки как крупка, они белыми рыхлыми градинками выпадают, как сахарная пудра, как мерцающие звёздочки, как мохнатые пёрышки, такими художники на картинах любят изображать, но эти – самые красивые, ажурные, лучистые – из детства, тогда, упав на ладошку, они казались огромными и сказочными, но, к великому огорчению, тихо истаявали и растворялись.

Солнечно, но оттепелей и сильных ветров не было, оттого не взялись снега корочкою наста. В сугробах снег тоже разным бывает: воздушным, шелковистым, бархатным, колючим, жёстким, клёклым, волглым – не счесть, всевозможным. А какие разные случаются снегопады: глухие отвесные, косящие наклонные, карусельные, а ещё – слепящие метели и хлёсткие метелицы, разгульные вьюги, тоскливые завихрухи, заверти, замети, позёмки... Ух, попалал я в снежные передряги – как-нибудь расскажу, если не очень торопитесь.

Сегодня снег радостный. Праздник, а не снег.

Дробинки следов видите? Эту строчку мышонок оставил. Пробежал немного, припорошенные сухие былинки понюхал, развернулся, чиркнул тонким хвостиком пышный снежок, зашпешил дальше и нырнул в рыхлую норку. Сейчас он под снегом – в придавленных опавших листьях у него лабиринты проходов и уютное круглое гнёздышко, высланное мягкими сухими травинками и пушинками увядших цветов. С одним таким мышонок я дружил.

Много лет назад работал на таёжном Севере учителем. Там настоящая тайга начиналась сразу за домами посёлка лесорубов. После школы, а иногда и до уроков я ходил в таинственные чащи. Ступал по мягкому, толстеному, годами нараставшему ковру осыпавшейся лиственничной хвои – идёшь, затаив дыхание, потому что шагов своих не слышишь. Бродил дивным таёжным ручьём, вода в нём чистая-чистая, и гладкие камешки на дне словно колышутся, пытаются обогнать один другого.

А однажды я заблудился. Когда неблизко уходил, старался придерживать чуть приметной тропинки, набитой охотниками к дальним озёрам и зимовью. Но тут увлёкся табунком рябчиков, всё время отлетавших от меня, стал за ними продираться через цепкие кусты, обходить завалы рухнувших деревьев, вывернутых корней и заплутал. Был конец октября. Небо мерклое. Меленькие снежинки

мельтешат. Знобко мне стало. Решил в посёлок возвращаться. Пытаюсь на тропку выйти, да найти не могу. Стараюсь одного направления держаться, пробиваюсь сквозь дебри, а вновь свои же рыхловатые следки на снежной порошнице вижу, – оказалось, что круги наворачиваю. Всполошился. Неужто в тайге ночевать придётся? С собою даже спичек не взял, обул в ледяные сапоги, ноги стынут. Назавтра у меня – день рождения, двадцать пятое. Вот попал... А может, попытаться выйти по своим следам, – рассуждаю, – пока их ещё не совсем присыпало. Разворачиваюсь и по едва различимым отпечаткам резиновых сапог начинаю распутывать собственные блукания. Долго ли коротко, а вышел-таки на знакомую тропиночку. И едва успел, потому как запорхали большие лохматые снежинки, и натоптанное мною скрылось, исчезло в белом саване. От сумятицы и беготни распалился, вымотался. Сел, привалился спиной к лиственнице, ладони в рыхлый снежок опустил, а там кустики брусники, а на них твёрдые шарики. Коченелыми пальцами веточки прочёсываю и мёрзлые ягодки с чистым снегом в рот отправляю. И так мне хорошо стало! С кем бы радостью поделиться?

Тут-то он и появился. Лесной мышонок. Тёмный на снегу, кругленький. Нащупал в кармане батончик с изюмом, в школе купленный, отламываю кусочек, протягиваю зверушке. Подумав, тот подбегает, осторожно нюхает, доверчиво берёт угощение в маленькие лапки и быстренько уносит под ворох опавших листьев. Покрутившись, пошуршав в своей крохотной берложке, возвращается. Немного погода от моего батончика ничего не осталось. Из смурого ненастного неба лохматый снег полетел охапками. Я попрощался с маленьким приятелем и поспешил домой. Снегопад усиливался, густел, а, когда я подходил к посёлку, стал таким плотным, что вытянутой руки невозможно увидеть.

Ночью я сочинял письмо девушке Люсе о первом снеге и забавном мышонке. Любимая связала и подарила мне красивый шерстяной пуловер солнечного цвета, он меня грел, в печке потрескивали, шипели и пищали сырые поленья, пахло смолою, а снег за мокрым окном всё падал и падал. Но утро было восхитительно погожее, лучезарное. С хорошим настроением отведя уроки, купил два батончика с изюмом и заторопился в заснеженные кущи. Рыхлый снег был по колени, но я бороздил его не хуже вездехода. Смог найти вчерашнюю лиственницу. Под нею на первоснежье увидел бисерные тропочки моего дружка. Через малое время он и сам объявился, узнал меня, подбежал и привстал на задние лапки. Один батончик я покрошил ему, другой съел сам. Так и отметили мой день рождения. Мышонок был внимательным и отзывчивым собеседником.

Я ещё с неделю приходил к маленькому другу, приносил лакомство. Конечно, я считал себя серьёзным взрослым человеком, в тайгу ходил вовсе не для этих встреч. В руках у меня были то ружьё, мечтал добыть царственного глухаря, то спиннинг с удочкой – на благородного тайменя. Но в трофеях случались только рябчики да хариусы. Потом повалили непросветные дремучие снега. А когда погода наладилась, раза три пытался найти ту лиственницу и не отыскал. Огорчался, успокаивал себя, что в норке под пухлой снежной периной крохотному мышонку должно быть тепло, а запаса моих гостинцев хватит надолго.

Давно была та история.

Девушка Люся стала моей женой, – получив в подарок вязаный ею пуловер, посчитал, что обязан жениться.

Я уже не пишу простодушных писем. Некому. Но иногда сочиняю наивные рассказы. Будто бы с кем-то беседую. Как с тем чутким мышонком в тихой тайге на снегу под высокой лиственницей, сбросившей до весны свою мягкую хвою.

Ну вот, опять вы куда-то спешите. Понимаю. Не до беспечных прогулок. Дела. Да и эка невидаль – лесные мышки. А они, между прочим, в отличие от полёвок и серых домашних, замечательны незаурядной сообразительностью и бесподобным проворством, даже по деревьям умеют лазать.

ЖЕНЬШЕНЬ

В лето того довольно далёкого года я в очередной раз решил что-то себе доказать. Взял отпуск и уехал в Приморский край. Мне предстояло в одиночку пройти добрую сотню километров по тайге вдоль отрогов Сихотэ-Алинского хребта. В рюкзаке кроме брезентового полога, минимума продуктов, котелков были компас, блокнот с карандашами, фотоаппарат с кассетами чёрно-белой плёнки, бинокль и две дюжины патронов с мелкой и крупной дробью. К патронам имелось ружьё шестнадцатого калибра, раздолбанное и незарегистрированное, которое по окончании похода не жалко было

выбросить. При таком снаряжении отправиться в дальнейшее путешествие по незнакомому маршруту может только неисправимый романтик и авантюрист.

Но в тайге я не новичок, пропасть вовсе не собирался. И поход складывался благополучно. Пробирался через дебри. В таинственном мире тугих, налитых соками зарослей каждую секунду что-то происходило. Шумно срывались с насиженных мест невидимые звери и птицы. Прямо из-под ног вылетали встревоженные пичуги. Трещали слюдяными крыльями огромные пучеглазые стрекозы. Порхали исполненные монаршего величия чёрные махаоны, этих гигантских бабочек нигде в целом свете не найдёте столько.

Пытался рисовать, фотографировать и даже философствовать. Удивительное явление – наше короткое лето. Однажды начавшись, оно кажется бесконечным. Забывается, что была на свете и, возможно, будет вновь холодная вечность зимы. И люди, живущие в лете, и оно само думают так и надеются на собственное бессмертие. Наивные мы и этим счастливы. – Примерно так, со свойственным молодости снисходительным глубокомыслием, я тогда рассуждал.

На четвёртый день похода нащупал едва заметную, теряющуюся в зарослях тропку. Она вилась в сотне метрах от каменистого берега шумливой таёжной реки. Здесь я и увидел тревожный флажок – ленточку выгоревшего брезента на ветке. Остановился и огляделся. Тряпочка была повешена недавно, примятые и сломанные листья не засохли, а только привяли. Рассмотрев кусочек брезента, я заметил на его краешке смазанный красный отпечаток пальца. Понял, что это кровь. Едва заметные бурые пятнышки были и на тропинке. Услышал тихие стоны. Прошёл навстречу звукам и увидел человека, он лежал на взгорке у корней двух огромных кедров. Выцветшая «энцефалитка» и такие же штаны были разодраны. Правый рукав куртки от самого ворота почти оторван, – в прорехе на плече глубокая запёкшаяся царапина. Правая штанина от пояса до колена тоже зияла сплошной дырой, сквозь которую виднелись вывернутые наружу мышцы бедра. Ремень на штанах порван. Одежда и земля вокруг в тёмных пятнах и сгустках засохшей крови. Под левой рукой старинная бердана с затвором, треснутым прикладом. В стороне – две стреляные гильзы двадцатого калибра. Всё это я разглядел на бегу, за пару секунд. Подбежал, наклонился к изголовью, свинтил пробку у фляжки, приподнял страдальцу голову, стал осторожно через запёкшиеся губы вливать воду. Судорожно, захлёбываясь, пьёт. Это хорошо. Сейчас очнётся. Поговорим – покумекаем.

– С...с...спсиб...

Ну вот, заговорил.

– Пожалуйста. Ты как?

– Нрмально.

– Я тоже оптимист. Что делать будем? У тебя серьёзная рана. Может заражение пойти.

– Знаю. Пробьёмся...

Всё. Выключился. Потерял сознание.

На вид ему лет сорок. Лохматый. Светлая борода растёт почти от самых глаз, широкой лопатой тянется до ключиц. Роста среднего, сложения крепкого. Но слишком много потерял крови. Раненое бедро сильно опухло, уже гноится. Но сухожилия, вижу, целы. Достая флакончик спирта и бинт. Пытаюсь промыть рану. Хотя толку от этого никакого, раньше бы это сделать.

Догадываюсь, что порвал его медведь. Но не бурый мишка, с тем не забалуешь, а чёрный бело-грудый. Этот размером мельче, но паскуднее. Азиатский характер у чёрного медведя, злопамятный и мстительный. Если ты ему чем-то насолил – спугнул с добычи, помешал жрать ягоды или дрыхнуть на солнцепёке – убежит, но потом обязательно вернётся и отомстит. Не уследишь – разорит стоянку, в клочья порвёт рюкзак, палатку. Даже ружьё может погнуть и погрызть. Но напасть на человека – это и для него сверхнаглость. Был или раненый зверь, или от рождения пакостного нрава отморозок.

Похоже, что бедолага пострадал не здесь. Сюда пришёл, пока были силы. Но зверюга напал где-то недалеко от этого места. У человека ружьё, потому нападение было внезапным. Или подкараулил, или подкрался. Однако в последний момент человек успел увернуться, потому что голова не повреждена. Медведь первым делом сдирает скальп от затылка до лба. Охотники говорят, что якобы не может видеть глаза, потому и закрывает их лоскутом кожи с головы. Отметина от медвежьего когтя на плече, значит, успел среагировать. Замах звериной лапы был страшным. Хорошо, что когти зацепились за крепкий брезентовый ремень штанов. Ремень лопнул, но удар ослабил. На бедре осталась глубокая рваная рана, но могло быть ещё хуже. Хотя и сейчас ничего хорошего.

Медведь не убил его, потому что человек успел выстрелить. Или испугался зверь, или был ранен, но факт, что убежал. Нет, не ранен, просто струсил. Раненый зверь был бы в ярости и добил добычу. Почему я не допускаю варианта, что медведь в той стычке мог быть убитым? Потому, что зверь возвращался, приходил уже сюда, к двум кедром. Бородач был ещё в сознании, начеку, – вот они, две стреляные берданочные гильзы.

А место для стоянки он выбрал доброе. Обзор хороший, незамеченным сюда не подойдёшь. На взгорке сухо, кроны кедров и от солнца защитят, и от дождя. В десяти метрах чистый ключик.

Но дело кислое. Рана продолжает воспаляться, нужны антибиотики. Больного надо срочно доставить в посёлок. А это семьдесят километров сквозь заросли, через тайгу, мари, участки скальных осыпей, небольшой горный перевал, два десятка речушек да три брода по горным порожистым рекам. Я мужик здоровый, могу тащить, где на плечах, где на волокушах из ветвей. Но не донесу, не успею.

Пока про всё это рассуждал, успел вскипятить котелок, сварить и запарить таёжный «чай» из листьев элеутерококка, земляники и красной смородины, с ещё зелёными плодами актинидии и уже бурыми ягодами маньчжурского лимонника, дикого барбариса и крупного приморского шиповника. В летних походах я никогда не завариваю чай из пачки, свежие дикоросы и полезнее, и вкуснее. Остуженным отваром начинаю отпаивать своего нового знакомца. Точнее – незнакомца, поскольку имени не спросил. Надо – сам скажет.

Бородач открывает глаза и говорит, как будто продолжая прерванный разговор:

- Пробьёмся.
- До посёлка донести не успею.
- Знаю. Далеко. Переправы. Не дотащишь. Три дня и сам встану.
- Лекарств нет?
- В тайге лекарство.
- В зимовье, лабазе? Антибиотики?
- Нет. Я расскажу. Научу тебя.
- Чему научишь?
- Всему. Ружьё есть?
- Есть. Шестнадцатый калибр. Дробь: семёрка, тройка и нулёвка.
- Нулёвку заряди. Иди, убей зайца. Их здесь много.
- Прямо сейчас?
- Да, поспеши.
- Как скажешь...

Встаю, заряжаю ружьё. Зайчатинки ему захотелось. А почему нет? Может, это последняя воля умирающего?

Я отошёл на двести шагов к большим таёжным лопухам. Такие места зайцы любят. И точно, здоровенный зайчище высунулся из зарослей и лениво запрыгал прочь. Вскидываю ружьё. Бабах! Готов косою: перевернулся через голову, дрыгнул задней ногой и замер.

Возвращаюсь с добычей. Мой напарник заметно ожил. Сумел присесть, упершись спиной в красноватый кедровый ствол. Глаза закрыты.

- Заяц?
- Заяц-заяц! – говорю я голосом ушастого персонажа из популярного мультфильма.
- Распори его до хребта и повесь на солнце. Вон на ту ветку.
- Что? Рагу не будет?
- В другой раз. Шкуру не сдирай.

Распарываю тушу ещё горячего зайца, верёвкой за задние ноги вывешиваю на солнцепёк.

- Смотри, – говорю, – как его мухи сразу облепили. И откуда налетели? Не понять.
- Они везде. Мухи – это хорошо. Хорошие мухи.

Я не стал любоваться хорошими зелёными мухами, вернулся к раненому.

- Ты кто? – спросил я.
- Человек. А ты?
- Тоже человек.
- Вот и познакомились, – болезненно улыбается, – ты мух не отгоняй, мне их черви нужны.
- Личинки? Опарыши?

– Да. Я пока посплю. Сил мало.

Человек вновь закрыл глаза и, видимо, потерял сознание. Я заготовил и натаскал дрова для кострища, как смог оборудовал бивак. Потом заваривал таёжный чай с травами и ягодами, разводил в кипятке сгущённое молоко – поил горячими напитками свалившегося на мою голову страдальца. В этих хлопотах протянулись сутки. Раненому становилось хуже. На тушке зайца роились полчища мух. Вновь была бессонная ночь у костра, пришло утро, наступил день, и я заснул крепким сном.

– Эй, – услышал я голос, – эй, человек! Просыпайся!

Открываю глаза. Мой подшефный, хотя и в сознании, выглядит дряннее вчерашнего. Его знобит и колотит. Рана продолжает воспаляться, и я понимаю, что уже сегодня-завтра могут начаться осложнения: отравление крови, гнилостная гангрена.

– Не бойся. Гангрены не будет.

Похоже, что мы об одном подумали. Сейчас его проблемы стали и моими.

– Согрей воды, чтобы не горячей была. И не холодной. Будем червячков купать.

Он знает, что мне делать. Это не бред. Нагреваю чистую ключевую воду градусов до двадцати пяти, трогаю пальцем. Сосед следит за мной.

– Не холодная? Не замёрзнут?

– Не простынут. Чихать не будут.

– Тащи сюда косога. Червячков не стряхни.

Приношу подвоявшего зайца, на внутренностях которого шевелятся мелкие опарыши.

– Червячков отмой. Только пальцами не трогай. Мне инфекция не нужна.

– Ты что, их есть собрался?

– Увидишь.

Споласкиваю гадких мушиных личинок, осторожно сливаю воду.

– А сейчас высыпай их на рану. Не бойся. Мне хуже не будет. Вот. Молодец. Тебе уже можно в уголке дедушки Дурова выступать. Номер с дрессированными червяками.

– Наверное, ты шутишь?

– Угу.

– Значит, жить будешь.

– Я и не сомневаюсь. Ты поаккуратнее, понежнее с червячками. Смотри, чтобы равномерно расплозились.

– Они тебя сожрут.

– Нет. Есть будут только гнильё.

– Уверен?

– Знаю. Учись, студент.

– Я не студент. Я учитель.

– Тем более учись. Других научишь.

– И сколько они тебя будут глотать?

– Сутки. Пока не растолстеют. Расслабься. Спирт есть?

– Есть.

– Выпей. Боюсь, стошнит тебя. Совсем зелёный стал.

– А ты выпьешь?

– Нет. Я вообще не пью алкоголь.

– Завязал?

– Даже не развязывал.

– Старовер, что ли? Божий человек?

– Все мы Божьи твари. Меня можешь Лешим звать. В посёлке так называют. Ты зайца унеси на север, триста метров. В большой муравейник брось. Только муравьев сюда не приведи. Извини, мне поспать надо.

Опять вырубился. На рану страшно смотреть. Мелкие трупные личинки мух освоились, шевелятся в гнилой плоти живого человека. Господи, чего только в этой жизни не увидишь! «Сходил за хлебушком», прогулялся по тайге...

Уношу вонючего зайца. Издалека забрасываю тушку к полутораметровому муравейнику. Через сутки от зайца только сухие косточки белого скелета останутся. Как советовал Леший, близко

к муравейнику не подходил, чтобы не привести мелких лесных троглодитов к биваку, к больному человеку.

Через час он проснулся. Резко открыл глаза, потянулся к берданке.

– Ты что, – забеспокоился я, – стрелять собрался?

– Тихо, медведь. Ты куда зайца выбросил?

– К дальнему муравейнику.

– Медведь там.

– Уверен?

– Знаю. Он всегда был здесь. Рядом. Не подходил. Потому что боялся. Нас двое. Если бы не ты – пришёл бы. Он меня давно задрать и забрать хочет. Сейчас зайца жрёт. Я слышу. Вот что: возьми мою бердану, походи и шугани его. Стреляй метров за сто. Чтобы картечь над его башкой прошла и ветки посыпались. Пусть обделается. Не бойся, он убежит. Ты ему не нужен. Ему я нужен.

Как быстро я стал подчиняться этому человеку. Делаю всё, что он говорит. Беспрекословно. И несколько не сомневаюсь в его правоте. Командир, блин. А я – солдат рядовой, будто бы всегда только тем и занимался, что выполнял чьи-то команды. Это я – дитя свободы, который после института на полуторамесячных военных сборах умудрился заработать восемнадцать нарядов вне очереди и трое суток гауптвахты. Ненавижу ходить строем и выполнять дурацкие приказы. Я для того и в тайгу приезжаю, чтобы не слышать команды: походи туда, сделай то, доложи и встань смиренно. Сейчас! Вот вам!

Чего это я разухарился? Надо задержать дыхание. Через прорезь мушки вижу медведя. Ни хрена себе! Таких гигантов из мелкой гималайской породы я ещё не видел. В этом косолапом больше двухсот килограммов, четверть тонны. Настоящий монстр. Жрёт зайца. Поднимает чёрный нос кверху, водит из стороны в сторону, нюхает воздух. Сейчас почувствует меня. Ну уж нет! Он у меня обделается по полной программе. Нажимаю на курок. Картечь прошла в метре над чёрной башкой, срубила низко нависшие еловые лапы. Грохот выстрела усилился круговым эхом и одновременно с упавшими ветками огрел зверя. У медведя от неожиданности расползлись лапы, и он, как свинья, распластался на земле. Вскочил, крутнулся на месте и, поджав куцый хвост, дал дёру, прямо как заяц, высоко задирая толстую задницу.

– Эй, засранец, – ору я вслед, – бумажку принести?!

Хохочу и радуюсь. А чему радуюсь? Головореза напугал. Ха-ха-ха!

Возвращаюсь к стоянке. Дурашливо прикладываю ладонь ко лбу:

– Товарищ командир! Приказ выполнен! Тайга в дерьме, медведь – по уши!

– Вольно. Здесь командиров нет. Мы напарники. А главным сегодня ты, учитель. Потому что сильнее.

– А ты?

– А я умнее. Не обижайся. Я сразу понял, что ты хороший мужик. И тайгу любишь. Но ты городской. Совсем своим в лесу не станешь. А я живу здесь.

– В школу не ходил, в армии не служил? – всё-таки обиделся и ёрничаю я.

– В армии служил. Там, где Макар телят не гонял. И учиться учился. Физтех Новосибирского университета.

– Ещё скажи, что с красным дипломом.

– Угадал. Наш таёжный отдел кадров только с красным принимает. Разрешите вновь представиться: бывший интеллигентный человек, бич таёжный¹. А ты, учитель, разумное, доброе и вечное сеешь?

– Отсеялся. Отпуск взял, сюда приехал. За туманом и за запахом...

– Только не за запахом того медведя. Сам я воздух тоже не очень освежаю.

– Поправишься.

¹ Постсоветские поколения читателей, справедливо воспринимающие автора и героя его рассказа персонажами историческими, ровесниками волосатых мамонтов, могут не знать, отчего Леший называется: «бич таёжный». Бич – «бывший интеллигентный человек», так именовали себя представители люмпенизированного социального класса 70–80-х годов прошлого века. Они не имели постоянного жилья, но, в отличие от современных бомжей, многие бичи не чурались работы. На Дальнем Востоке эти люди составляли большинство среди сезонных рабочих в геологических экспедициях, заготовительных артелях и даже на приисках. Мне не раз встречались очень колоритные представители «бывших интеллигентов», в том числе образованные, с хорошим чувством юмора. – *Прим. автора.*

– Не успокаивай. Я должен встать. Встану и прибью людоеда.

– Что? Тот медведь настоящий людоед?

Честно признаюсь: меня даже зазнобило. Чуть зубы не застучали. Я только что, как пацан, ходил шугать таёжного людоеда. Он же меня мог сожрать!

Бородач устало прикрывает глаза.

– Извини, учитель. Ты не бойся. Он сегодня сюда не сунется. Завтра придёт. Придёт, когда ты уйдёшь и оставишь меня одного. Мне поспать надо. Ты не скучай. Возьми мой топор и заготовь четыре метровых кучи ильмовых дров. А ночью не тревожься, спи. Медведь тебя не тронет. Всё будет завтра.

Я сделал, как он просил. Заготовил четыре кучи дров из приморского ильма. Только ночью спать не мог. Палил огромный костёр и прислушивался к тайге. Медведь, как и все звери, огня боится. Поил Лешего отварами, он просыпался, что-то благодарно бормотал и улыбался. Человек был почти без сознания, но что удивительно – жар у него прошёл. Под утро, прижав чужую бердану к груди, я всё-таки уснул. И спал часов до девяти, пока солнце не стало красными кругами щекотать сомкнутые веки. Почему-то я проснулся с очень хорошим настроением. Только открыл глаза, как тут же услышал добродушное ворчание бородачатого соседа:

– Ну, ты и спишь. Даже дверь веником не подпёр. Заходите, люди добрые, берите что хотите.

– Привет! А что? Кто-то в гости заходил?

– Слава богу, никого не было.

Мой напарник сидит у костра. Берданка, которую, как родную, я всю ночь прижимал к себе, лежит у его раненого бедра. Нет, зрелище ещё то: в развороченном бедре белые личинки заметно выросли, копошатся, пульсируют, крутят острыми носами. Однако рана стала почти чистой, гладкой и девственно-розовой.

– Иди умывайся. Пойдём мох собирать. Нет, толпиться сегодня не будем. Ты пойдёшь, а я здесь позагораю.

Умываюсь у чистого ручейка, фыркаю и разбрызгиваю искры студёной воды. Примечаю, какой день хороший, солнечный и нежаркий. Середина августа, а в буйных космах лиственных деревьев уже чуть проблёскивают золотые и медные пряди осеннего предвесья.

– Ну, долго ты там? – бурчит сосед – Сначала спал до обеда, а сейчас до вечера купаться будешь? У нас хлопот полон рот, а он плескается, как десантник в фонтане.

– Цыц, Леший! Забыл, что меня в главные командиры назначил? Почему до сих пор в две шеренги не построился? Быстро лёжа подровнялся и бегом с докладом!

Бородач поддерживает моё дурачество:

– Я, товарищ командир, извиняюсь, конечно, но личный состав волнуется: а на горшочек пи-пи вы сходили?

– Молчать! За неуставное запанибратство объявляю пять суток гауптической вахты!

– Есть пять суток! Разрешите исполнять?

Смеёмся, два дурака. Уж больно хорошо день начинается. Пьём чай и треплемся как закадычные приятели на пикнике в городском парке. Барышень только не хватает.

– А теперь за дело, командир. – Леший рассматривает раненое бедро. – Будем с пассажирами прощаться. Пойди вон в ту ложбинку и набери мхов зелёных. В этот чистый котелок складывай. Аккуратно режь. Соринки стряхивай. И пальцами поменьше ко мху прикасайся.

– Полный котелок?

– Полный. Только не спрессовывай. Нежненько-нежненько. Ружьё возьми.

Ну вот, напомнил о медведе-людоеде, и настроение моё подкисло. Иду в указанном направлении. Мхи здесь шикарные. Место тенистое, в меру влажное. Веточки ворсистого мха тёмно-изумрудные, высокие, похожи на маленькие ёлочки. Осторожно нарезаю квадратные лоскуты, смахиваю соринки – сухие хвоинки и листики.

Наполнив доверху котелок, возвращаюсь. Леший лежит на боку, стряхивает на землю личинок-пассажиров. Лоскутом принесённого мною мха тщательно протирает рану, затем плотно накрывает её зелёными облатками:

– Учись, учитель. Мох – природный антисептик. Фронтвики в окопах мох вместо йода и бинтов использовали. Полдела мы сделали. А сейчас зажигай первую кучу дров. Будем мой окорок коптить и жарить.

Настроение у мужика весёлое. Глядя на него, вновь ожил и я, забегал, разжигая и добавляя жару огромному костру. Огонь полыхает, а я, подбадриваемый напарником, всё бросаю и бросаю в него запасённые дрова. Через три часа слой раскалённых углей достигает почти полуметра.

– Хорош кочегарить! Сгребай в кучу и выравнивай угли!

Формирую нечто, похожее на пирог из вулканической лавы. Леший подползает к адскому холму. Избавляется от моховых облаток и подставляет жару травмированную ногу. Рана на глазах подсыхает. Он терпит. Закрыв глаза, скрипит зубами и не отползает.

– Ты уже как жареный поросёнок, отдохни, – я силой оттаскиваю товарища в сторону, – охладись, палёным пахнет. У тебя борода дымится.

Экзекуция жаром продолжается с перерывами два часа. После чего вконец обессиленный человек сдаётся. Ложится на спину, навзничь, и мученически улыбается:

– Ну вот... А ты говоришь: «гангрена», «антибиотики»... Хрена, а не гангрена! Вот так тайга лечит. Через сутки я уже бегать буду. И прыгать, как козёл.

Варю гречневую кашу с двумя банками тушёнки. Впервые мы плотно обедаем. Расслабленно пьём чай и тихо разговариваем. Без напрягов, без шутовства. Я подробно расспрашиваю. Леший (так своё имя, хитрец, и не назвал) рассказывает.

Уже много лет он промышляет таёжный женьшень. Обычно «корневики» в сезонные походы выходят по двое-трое. Компанией легче и обследовать территорию, разбивая её на условные квадраты, и обустроить незамысловатый быт походной жизни. Это и безопаснее в случае встречи с лихими людьми – беглыми зеками или «хищниками», как называют тех, кто без лицензий моет золото в таёжных ключах и горных шурфах. Угрозы могут исходить и со стороны диких зверей. Особо опасны вепрь, кабан-секач и обиженный, раненный людьми либо попробовавший человечину медведь. Полюбому, компанией в тайге продержаться легче.

У него тоже был напарник, с которым хоть в полынью, хоть в пламя. Но полмесяца назад на самое начало сезонного промысла женьшеня Леший растянул связки и не смог выйти с товарищем. Встретиться договорились вот на этом самом месте.

Он пришёл в назначенный срок, но друга не обнаружил и сразу почувствовал неладное. Для него тайга – открытая книга с понятным, хотя и затейливым текстом. Обошёл территорию в несколько километров и всё понял.

С первых часов появления здесь человека охоту на него затеял гигантских размеров и чрезвычайно хитрый гималаец. Чем ему насолили люди, можно только предполагать, но этот медведь был кровожадным людоедом.

Почему друг не почувствовал угрозы? Может, подцепил хворь и потерял бдительность? Но финал был страшен.

В двух километрах вверх по реке товарищу улыбнулась коварная Фортуна. Он нашёл огромный корень. И не просто неправдоподобно крупный, а удивительных форм. Известно, что женьшень – это «человек-корень». Самые ценные экземпляры очень напоминают человеческое тело. Есть голова, туловище, руки, ноги и ещё более мелкие детали всяческих органов. Есть у корней и половые признаки человека, потому их разделяют на «мужские» и «женские». Этот корень был мужским. Очень рельефный, с массивными и соразмерными отростками конечностей, без излишних «аппендиксов», и в то же время с нежными пушистыми волосками. Найти такой корень не просто редкая удача, это фарт, который выпадает далеко не каждому поисковику заветного «корня жизни».

Друг Лешего стал осторожно подкапывать и очищать чудесный корень. Возможно, он ошалел от неожиданности и величия находки, возможно, размечтался и расслабился. Человек держал в руках удачу, был безумно счастлив и не услышал бесшумной поступи зверя...

Леший замолчал и отвернулся. Ком боли забил его горло.

– В общем... корень я целёхоньким с земли поднял. А друга... то, что от него осталось, нашёл в пятистах метрах от проклятого места.

Поплакал. Собрал останки в полог. Решил на высоком месте временно захоронить, чтобы звери не растащили. А потом, думаю, вернусь с людьми, перенесём, похороним на кладбище рядом с отцом-матерью. Я уже тело в могилу уложил и стал засыпать землёй, когда этот подонок вернулся. Ты понимаешь?! Я его не услышал! У меня в ушах звенело. Только в последний момент от удара увернулся... Он мне бедро разорвал. Не было бы ремня – оторвал бы ногу. А бердана взведённая на земле лежала.

Я к ней рванулся, даже не поднял, только до курка дотянулся. Короче, выстрел, медведь дёру. Я ещё, по горячке, могилу успел засыпать, потом сюда приковылял. Смог и лоскут над тропинкой повесить... А этот ко мне два раза приходил. Я стрелял, он убегал. Потом сознание стал терять. Уже ни на что не надеялся, совсем отчаялся. Только бесило, что не отомстил, не убил. А потом ты пришёл. Остальное знаешь лучше меня. Такие вот дела...

– И что намерен делать дальше?

– Сейчас ты уйдёшь. А я останусь. Я убью его, расчленю и сожгу. Чтобы ничего от этой сволочи не осталось. А ты не задерживайся, дело к вечеру. Пойдёшь по этой тропинке. Через семь километров выйдешь к реке. Переход деревянной стрелкой обозначен, не промахнёшься. По камням перейдёшь на левый берег. Под скалой схрон найдёшь. Я его с другом делал. И дрова, и продукты, даже керосиновая лампа имеется. Там и переночуешь. Такие дела...

Леший полез в рюкзак и достал полотняный свёрток, аккуратно закрученный бичевой:

– На, брат, возьми. Потом посмотришь. Спасибо тебе. Уходи. Христом-Богом прошу: уходи. Долгие проводы – долгие слёзы. А мне ещё к встрече с тем гадом надо подготовиться.

Мы встали, крепко, по-братски обнялись. Я подхватил свои вещи и пошёл. Солнце клонилось к закату. Надо было спешить.

Через пару часов я уже был на стоянке. Легко нашёл схрон, запалил из сухих дров костёр, зажёл и керосиновую лампу. Достал и принялся осторожно разматывать полотняный свертк. Я уже догадался, что мне подарил Леший. Это был тот самый, необыкновенного величия и красоты корень женьшеня.

Я рассматривал его в свете костра и лампы. Всплески огня оживили корень. Он в самом деле был человеком. Наполненный необъяснимой магической силой человек-корень напрягал мощную плоть торса своего тела, упругих конечностей и... смотрел на меня! Я физически почувствовал этот холодный и насмешливый взгляд. Конечно, это только ощущения. Просто я устал. Надо завернуть корень в тряпицу и хорошенько выспаться. Трофей, конечно, уникальный. И больших денег стоит. Я слышал, что у корейцев в приморском посёлке за подобный, но гораздо меньший корень фартовый промысловик как-то получил почти новые «Жигули».

Остаток маршрута я прошёл с опережением намеченного графика, уложился в три дня. В посёлке, который был и районным центром, я спросил, где живут корейцы. Не нищие рабочие из Северной Кореи, занятые на лесоповалах, а наши корейцы, чьи предки поселились в Приморье в девятнадцатом веке вместе с русскими первопроходцами.

Я нашёл самого старого деда-корейца и передал ему свёрток. Сказал, что это «корень жизни», что мне за него ничего не надо. Сказал, что из-за этого корня погиб человек и я хочу, чтобы теперь он спасал человеческие жизни. В общем, что-то очень сумбурное говорил и говорил корейскому дедушке. Тот слушал меня и всё время кивал головой.

Я встал. «Спасибо», – сказал старый кореец. «До свидания», – сказал я и поклонился. «До свидания», – ответил дедушка и тоже поклонился.

Во Владивостокском Морском вокзале, откуда, как известно из песни Юрия Визбора, корабли отходят всегда на восток, а поезда всегда на запад, я купил местную газету. На последней странице увидел заметку:

НЕОБЪЯСНИМАЯ ЖЕСТОКОСТЬ

На берегу одной из таёжных рек в районе Сихотэ-Алинских предгорий охотинспекторы обнаружили кострище с обгоревшими частями расчленённой туши необычайно крупного гималайского медведя. По факту незаконного отстрела и необъяснимой жестокости ведётся следствие.

А Леший своё слово сдержал...